

Глава 2. Означает ли анархизм насилие?

Вы наверняка слышали, что анархисты взрывают бомбы, что они верят в насилие и что анархия означает беспорядок и хаос.

Неудивительно, что вы так думаете. Пресса, церковь и любой иной авторитет постоянно внушают вам это. Но большинство этих органов прекрасно понимают, что делают, и у них есть свои причины, чтобы не говорить вам правды. Что ж, пришло время её услышать.

Я собираюсь говорить с вами открыто и честно, и вы можете поймать меня на слове, потому что случайно вышло так, что я как раз один из тех анархистов, которые слывут насильниками и разрушителями[1]. Я должен знать, о чём говорю, и у меня нет причины скрывать что-либо.

«Правда ли, что анархизм означает беспорядок и насилие?» – спросите вы.

«Нет, друг мой. Это капитализм и правительство порождают беспорядок и насилие. Анархизм – совсем наоборот, он за порядок без правительства и за мир без насилия».

«А возможно ли это?» – спросите вы.

Вот об этом и поговорим. Но прежде ваш приятель, возможно, захочет узнать: разве анархисты никогда не взрывали бомбы и не прибегали к насилию?

Да, анархисты взрывали бомбы и иногда прибегали к насилию.

«Ну, вот видите, – вскричит ваш приятель. – Так я и думал».

Но давайте не торопиться. Если анархисты иногда прибегали к насилию, значит ли это, что анархизм обязательно означает насилие?

Зададим себе этот вопрос и попытаемся честно ответить на него.

Если гражданин надевает солдатскую форму, то ему, вероятно, придётся бросать бомбы и применять насилие. Скажете ли вы, что граждане – это то же самое, что бомбы и насилие?

Вы с возмущением отбросите такое предположение. Иными словами, вы скажете, что человек *при определённых обстоятельствах* бывает вынужден прибегнуть к насилию. Этот человек может быть демократом, монархистом, социалистом, большевиком, анархистом.

Вы придёте к заключению, что это касается всех людей и во все времена.

Брут убил Цезаря, потому что боялся, что его друг намерен предать республику и стать царём – не потому, что Брут «не любил Цезаря», а потому что он «больше любил Рим». Брут не был анархистом. Он был честным республиканцем.

Вильгельм Телль, как гласит народное предание, убил тирана, чтобы избавить свою страну от гнёта. Телль никогда в жизни не слышал об анархизме.

Я упоминаю эти эпизоды, чтобы подчеркнуть, что с незапамятных времён тиранов подстерегал рок в виде покушения на них со стороны людей, любивших свободу и поднимавшихся против тирании. Покушавшиеся были обычно патриотами, демократами или республиканцами, иногда социалистами или анархистами. Их действия были индивидуальным бунтом против бесправия и несправедливости. Анархизм как таковой не имеет с этим ничего общего.

В Древней Греции были времена, когда убийство деспота считалось высшей добродетелью. Современное право осуждает такие действия, но человеческие чувства, кажется, в этом отношении не сильно изменились. Совесть мира не возмущается убийством тиранов. Хотя оно не одобряется публично, но в сердце своём люди прощают подобные поступки, а иногда даже втайне радуются им. Разве в Америке не было тысяч патриотически настроенных молодых людей, которые готовы были убить кайзера, потому что считали его виновным в начале Первой мировой войны? Разве французский суд не освободил человека, убившего Петлюру, чтобы отомстить за гибель тысяч мужчин, женщин и детей, убитых в ходе петлюровских преследований евреев на Украине?

В любой стране и во все времена случались убийства тиранов: люди так сильно любили свою страну, что были готовы отдать за неё жизнь. По большей части эти люди не принадлежали ни к какой политической партии, не исповедовали никакой идеи, а просто ненавидели тиранию. Иногда это бывали религиозные фанатики, как немой католик Кульман, пытавшийся убить Бисмарка[2], или рехнувшаяся мечтательница Шарлота Корде, убившая Марата во время Французской революции. В США трое президентов были убиты одиночками. В 1865 г. Линкольн был застрелен Джоном Уилксом Бутсом, демократом из южных штатов. В 1888 г. республиканец Чарльз Гито убил президента Гарфильда, а в 1901 г. Леон Чолгош застрелил президента Мак-Кинли. Лишь один из троих убийц был анархистом[3].

Естественно, страны с наиболее дикой тиранией знают и наибольшее число тираноубийств. Возьмём, к примеру, Россию. Из-за тотального подавления свободы слова и печати при царе нельзя было добиться смягчения деспотического режима иначе чем угрожая тирану «судом небесным».

Эти мстители часто были детьми аристократии, идеалистически настроенными молодыми людьми, которые любили свободу и народ. Поскольку все остальные их пути были перекрыты, они сочли себя вынужденными прибегнуть к пистолету и динамиту в надежде добиться смягчения ужасного положения в своей стране. Они были известны как нигилисты и террористы. Но анархистами они не были.

В современную эпоху акты политического насилия стали ещё более частым делом, чем в прошлом. Суфражистки в Англии часто прибегали к ним, чтобы пропагандировать свои требования о равноправии женщин и добиться их осуществления. В Германии после Первой мировой войны мужчины крайне консервативных взглядов надеялись с помощью подобных методов достичь восстановления монархии. Монархист убил прусского министра финансов Карла Эрцбергера, представитель той же политической партии расправился с министром иностранных дел Альтером Ратенау.

Убийство сербским патриотом, который никогда не слышал об анархизме, австрийского наследника престола стало первопричиной, или по крайней мере поводом, для вступления в Первую мировую войну. В Германии и Венгрии, в Испании и Франции, в Италии, Португалии и многих других европейских странах люди различной политической ориентации прибегали к насилию, не говоря уже о массовом политическом терроре, который практиковали фашисты в Италии, Ку-клус-клан в Америке или католическая церковь в Мексике.

Вы можете увидеть, что анархисты не обладают монополией на политическое насилие. Доля насильственных актов, совершённых анархистами, ничтожна по сравнению с теми, которые были совершены людьми другой политической ориентации.

Правда состоит в том, что применение насилия было с незапамятных времён во всех странах и общественных движениях составной частью борьбы. Даже Христос, пришедший, чтобы провозгласить Евангелие мира, насильно изгнал менял из храма.

Как я уже сказал, анархисты не имеют монополии на насилие. Напротив, анархизм провозглашает мир и гармонию, невмешательство, неприкосновенность жизни и свободы. Анархисты столь же человечны, как и все другие люди, а может быть, даже ещё в большей степени. Они сильнее ощущают несправедливость, скорее возмущаются угнетением и поэтому не исключено, что они будут протестовать в форме насильственного акта. Но такие действия служат выражением их индивидуального темперамента, а не определённой теории.

Вы спросите, возможно, не ведёт ли приверженность революционным идеям неизбежно к насильственным действиям? Я полагаю, что нет, ведь мы видели, что насильственные методы используются и людьми с весьма консервативными взглядами. Если люди с прямо противоположными политическими взглядами поступают одинаково, то сомнительно, можно ли возлагать ответственность за эти акты на их идеи.

Одинаковые результаты вытекают из одинаковых причин, но эти причины следует искать, конечно же, не в политических убеждениях, а скорее в индивидуальном темпераменте и в общем отношении к насилию.

«Возможно, вы правы в отношении темперамента, – скажете вы. – Вероятно, революционные идеи нельзя считать причиной актов политического насилия, ведь в противном случае такие акты совершал бы каждый революционер. Но разве эти взгляды не провозглашают частичное оправдание тех, кто их совершает?»

На первый взгляд может показаться, что так оно и есть. Но если вы как следует поразмыслите над этим, то придёте к выводу, что эта идея совершенно неправильная. Лучшим доказательством этого может считаться то, что анархисты, придерживающиеся одинакового мнения относительно государства и необходимости его ликвидации, очень сильно расходятся по вопросу о применении насилия. Так, анархисты – последователи Толстого и многие индивидуалистические анархисты осуждают применение политического насилия, другие же анархисты их одобряют или, по крайней мере, оправдывают.

К тому же, многие анархисты, которые когда-то верили в насилие как средство пропаганды, изменили своё мнение и больше не поддерживают такие методы. К примеру, было время, когда анархисты выступали за индивидуальные акты насилия, известные как «пропаганда действием». Они не рассчитывали этими действиями склонить правительство и капитализм к анархизму и не думали, будто устранение одного деспота уничтожит деспотизм. Нет, они рассматривали террор как средство мести за всеобщее бесправие, внушения страха врагу и привлечения внимания к бедам, против которых и направлен акт террора. Но большинство анархистов сегодня не верят в «пропаганду действием» и не поддерживают действия такого рода.

Опыт научил их, что даже если в прошлом такие методы могли быть оправданными и полезными, при нынешних условиях они бесполезны и даже вредны для пропаганды их идей. Но поскольку идеи их не изменились, то ясно, что это не анархизм сформировал их отношение к насилию. Это доказывает, что к насилию приводят не те или иные идеи или «теории», его порождают иные процессы.

Так что, если мы хотим найти правильное объяснение, нам придётся поискать ответ где-нибудь в другом месте.

Как мы видели, акты политического насилия совершались не только анархистами, социалистами и революционерами всех оттенков, но также патриотами и националистами, демократами и республиканцами, суфражистками, консерваторами и реакционерами, монархистами и роялистами, даже ревнителями религии и немыми христианами.

Мы знаем уже, что к этим действиям их побудили не какая-нибудь идея, не некие «измы», поскольку одни и те же действия вызывались различными идеями и «измами». В качестве их причины я бы назвал индивидуальный темперамент и отношение общества к насилию.

Здесь-то и зарыта собака. Что такое отношение общества к насилию? Мы сможем понять всё дело, если сумеем дать правильный ответ на этот вопрос.

Оставаясь честными, мы должны признать, что каждый из нас верит в насилие и практикует его, хотя и может осуждать, когда к нему прибегают другие. В действительности все поддерживаемые нами социальные институты, вся жизнь современного общества основаны на насилиии.

Чем является то, что мы называем государством? Разве это не организованное насилие? Закон предписывает вам, что вы должны делать и чего не делать, а если вы ему не подчиняетесь, то вас принудят к этому силой. Мы не говорим сейчас о том, правильно это

или неправильно, должно это быть так или нет. В настоящий момент нас интересует только то, что дело обстоит именно так, а не иначе, что любое государство, все законы, любая власть основаны на принуждении и насилии, на наказании или страхе перед ним.

Даже духовный авторитет, к примеру, церковных судов, даже авторитет бога основаны на принуждении и насилии, поскольку перед нами властвует страх перед божьим гневом и божьей карой. Именно они принуждают вас к повиновению и вере в вещи, в которых вы не убеждены.

Куда бы вы ни бросили взгляд, вы обнаружите, что вся наша жизнь построена на насилии или на страхе перед ним. С раннего детства вы подвергаетесь насилию со стороны родителей или взрослых. Дома, в школе, в офисе, на фабрике, в поле или в мастерской вам всегда приходится повиноваться кому-нибудь, чей *авторитет* принуждает вас выполнять его волю.

Право принуждать вас называется авторитетом. Страх перед наказанием был превращён в долг и называется повиновением.

В этой атмосфере принуждения и насилия, авторитета и повиновения, долга, страха и наказания растём мы все, мы дышим ею на протяжении всей нашей жизни. Мы настолько пропитаны духом насилия, что никогда и не задумываемся, правильно ли это. Мы спрашиваем только, законно ли это насилие, допускается ли оно законом.

Вы не ставите под вопрос право государства убивать, проводить конфискации, арестовывать. Если же в этом виновны не государство, а частные лица, вы назовёте их убийцами, ворами и негодяями. Но пока применяемое насилие остаётся «законным», вы одобряете его и подчиняетесь ему. То есть на самом деле вы протестуете не против насилия, а против людей, которые применяют его «незаконно».

Это узаконенное насилие и страх перед ним пронизывают всё наше индивидуальное и коллективное существование. Авторитет контролирует всю нашу жизнь с колыбели и до гроба – авторитет родительский, церковный и божественный, политический, экономический, социальный и моральный. Какой бы характер ни носил авторитет, над вами всегда проявляют власть, запугивая наказанием в той или иной форме. Вы боитесь бога или дьявола, священника и соседа, судью и тюремного охранника, закона и государства. Вся ваша жизнь состоит из длинной цепочки страхов – страхов, терзающих ваше тело и разъедающих вашу душу. На этих страхах покоится авторитет бога, церкви, родителей, капиталистов и властителей.

Загляните в себя и проверьте, правду ли я сказал. Почему в противном случае даже среди детей десятилетний мальчик помыкает своими младшими братьями и сёстрами благодаря своему физическому превосходству, точно так же как его отец помыкает им самим благодаря своему превосходству и материально зависимому положению сына? Вы настаиваете на авторитете священнослужителя и проповедника, потому что верите, что они могут «обрушить божественный гнев» на вашу голову. Вы подчиняетесь воле начальника, судьи и государства, потому что у них есть власть, возможность отнять у вас работу,

закрыть ваше дело, заточить вас в тюрьму. Но эту власть вы дали им сами!

Таким образом, авторитет правит всей вашей жизнью – авторитет прошлого и настоящего, мёртвых и живых – и ваша жизнь состоит из непрекращающихся нападков на вас, из попрания вашей личности, из постоянного подчинения мнению других.

Вы мстите другим, проявляя свою власть над ними, оказывая на них физический или моральный нажим, проявляя насилие над ними и ранив их так же, как поступают с вами. Таким образом, жизнь – это отвратительный сплав авторитета, господства и подчинения, приказа и повиновения, принуждения и покорности, насилия и власти в тысяче и одном облике.

Стоит ли удивляться тому, что даже идеалисты барахтаются в сети авторитета и насилия, что чувства и окружающая среда часто побуждают их прибегать к враждебным действиям, противоречащим их же идеям?

Мы всё ещё остаёмся варварами, прибегающими к власти и насилию, чтобы избавиться от собственных грехов, трудностей и проблем. Насилие – это метод незнания, оружие слабых. Тем, кто обладает человеческой добротой и разумом, насилие не нужно, потому что они поступают естественно и на основе своих убеждений. И чем дальше мы уходим от первобытного состояния и от эпохи каменных топоров, тем меньше будем мы полагаться на власть и насилие. Чем просвещённее становится человек, тем меньше он будет прибегать к нажиму и принуждению. Он поднимется из пыли и выпрямится: он не поклонится ни перед каким царём, небесным или земным. Он станет действительно человеческим только тогда, когда будет стыдиться господствовать и откажется повиноваться господству. Он станет действительно свободным только тогда, когда больше не будет господ.

Анархизм – это идеал такого состояния, общества без насилия и принуждения, в котором все люди будут равными и станут жить в свободе, мире и гармонии.

Слово «анархия» происходит из греческого языка и означает отсутствие власти, насилия или государства, поскольку государство – это источник насилия, ограничений и принуждения.

Вот почему анархия[4] не означает беспорядок и хаос, как вы сперва полагали. Она – нечто диаметрально противоположное: она означает отсутствие государства, то есть свободу и независимость. Беспорядок – это продукт авторитета и принуждения. Источник порядка – свобода.

«Прекрасная идея, – скажете вы, – но она годится только для ангелов».

Ну так давайте нам отрастить крылья, которые нужны нам для такой идеальной формы общества!

Версия #1

██████████ ██████████ создал 26 апреля 2026 11:25:25

██████████ ██████████ обновил 26 апреля 2026 11:25:56